

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 1, pp. 225–243, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-225-243
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 821.512.37

Поэтика стихотворения-клятвы в калмыцкой поэзии XX века

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ханинова Р. М., 2020

Аннотация. *Введение.* Среди жанров калмыцкой поэзии 1930-х гг. следует отметить жанр стихотворения-клятвы, который, с одной стороны, был связан с фольклорной традицией монголоязычных народов, с другой — с современной исторической действительностью, с военными событиями того периода. Стихотворение-клятва в творчестве калмыцких поэтов XX в. носило эпизодический характер, имело, как правило, единичное обращение к нему авторов с 1930-х гг. по 1960-е гг. Этот жанр не был объектом и предметом исследования в калмыковедении, чем определяется актуальность нашей темы. Проблематика заявленной темы обусловлена рассмотрением жанровой природы стихотворения-клятвы в калмыцкой поэзии XX в., включением в научный оборот таких произведений, выяснением роли этого жанра в литературном процессе Калмыкии. *Цель* статьи — изучение поэтики стихотворения-клятвы для определения места и роли данного жанра в калмыцкой поэзии XX в. *Методы.* Историко-литературный, сравнительно-сопоставительный и описательный методы позволят выявить особенности указанного жанра в поэзии калмыцких авторов, традиции и новации. *Результаты.* Стихотворение-клятва не является распространенным жанром ни в калмыцкой поэзии советского периода (например, коллективные письма-клятвы калмыцкого народа Сталину, воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии), ни в творчестве калмыцких поэтов — Гари Даваева, Гари Шалбурова, Муутла Эрдниева, Эльди Кектеева, Санжары Байдыева, Тимофея Бембеева. Произведения в этом жанре обычно обусловлены оборонной и военной темой в калмыцкой поэзии прошлого столетия, характеризуют коммуникативное поведение авторов. Определена взаимосвязь с калмыцким устным народным творчеством, прежде всего с героическим эпосом «Джангар», с клятвой его богатырей. Коллективные стихотворения-клятвы сразу же были переведены на русский язык. Не все стихотворения-клятвы калмыцких поэтов имеют русские переводы. *Выводы.* Изучение стихотворения-клятвы выявило две формы его бытования в истории калмыцкой поэзии — стихотворение-клятву отдельных авторов и коллективное письмо-клятву, влияние калмыцкого фольклора, исторических событий, советской идеологии, а также патриотизм и автобиографизм, коммуникативный дискурс.

Ключевые слова: стихотворение-клятва, письмо-клятва, оборонная тема, Великая Отечественная война, калмыцкая поэзия, фольклорная традиция, русский перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Поэтика стихотворения-клятвы в калмыцкой поэзии XX века // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 225–243. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-225–243

UDC 821.512.37

20th-Century Kalmyk Rhymed Oaths (Poems): Poetics Revisited

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

©KalmSC RAS, 2020

© Khaninova R. M., 2020

Abstract. *Introduction.* When it comes to 1930s Kalmyk poetic genres, special attention should be paid to rhymed oaths (poems) which, on the one hand, were tied to the Mongolic folklore tradition, and on the other hand, to the then historical realia and related military sentiments. Such works proved episodic — even sporadic — enough to Kalmyk poets between the 1930s and the 1960s. So, the issue has remained understudied. The study provides insight into the genre nature of rhymed oaths (poems), introduces a number of such texts, and identifies their role in Soviet Kalmykia's literary processes. *Goals.* The paper aims at investigating poetics of rhymed oaths (poems) to delineate their place and role in Kalmykia's 20th-century poetry. *Methods.* The work employs the historical-literary, comparative, and descriptive research methods that reveal somewhat specific features of the cluster, traditions and innovations. *Results.* Rhymed oaths (poems) are rare to Soviet Kalmyk poetry (e.g., joint letters-oaths addressed by the Kalmyk people to J. Stalin, and that of soldiers of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division) and narratives of Kalmyk poets proper — Garya Davaev, Garya Shalburrov, Muutl Erdniev, Eldya Kekteev, Sanzhara Baidyev, Timofey Bembeev. Such texts usually deal with military sentiments, characterizing communicative behavior of authors. The paper draws parallels with Kalmyk oral folklore patterns, most significantly with the *Jangar* epic and its oath of heroes. Joint rhymed oaths (poems) were translated into Russian immediately — but not all. *Conclusions.* The insight into Kalmyk rhymed oaths (poems) reveals two such forms, namely: rhymed oaths (poems) by separate authors, and joint letters-oaths. The genre experienced impacts from Kalmyk folklore, historical events, Soviet ideology, communicative discourse, patriotism, and autobiographism.

Keywords: rhymed oaths (poems), letter-oath, military sentiments, Great Patriotic War, Kalmyk poetry, folklore tradition, Russian translation

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Khaninova R. M. 20th-Century Kalmyk Rhymed Oaths (Poems): Poetics Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 225–243. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-225-243

Введение

Понятие «клятва» можно трактовать как торжественное обещание, уверение в чем-либо и кому-либо, в том числе как клятва коллективная или данная само-

му себе, письменно, устно, мысленно. Клятва-приношение подразумевает верность данным словам, а также связана с клятвенарушением или клятвopреступлением. Клятва имеет как государственный,

официальный характер — в этом отношении она близка присяге на верность отечеству, народу, армии, партии, комсомолу, профессии и т. п., так и личностный, персональный характер — клятва в любви, дружбе, верности и т. д. Поджанрами речевого жанра «клятва» могут являться, по мнению Т. Г. Рабенко, божба, зарок, обет, присяга; данный речевой жанр может граничить с жанровыми формами обещания и уверения / убеждения [Рабенко 2010: 123], иметь ритуальный и юридический статус, сопровождаться определенными действиями, телодвижениями, жестикуляцией.

Как вербальный жанр «клятва» подразумевает в своей основе магическую силу слова, направленную на выполнение данного обещания, подкрепленную верой в божественную помощь, в коллективное содействие, в реальное претворение.

Слово *андхар* в калмыцком языке означает 'клятва, присяга, обет' [КРС 1977: 43]. *Шахан* по-калмыцки имеет одно из значений 'клятва, присяга' [КРС 1977: 668]. Кроме того, калмыцкое слово *авишг* в устной форме понимается как 'посвящение, клятва, заповедь' [КРС 1977: 24].

Как и в русском языке, понятие «обет» являет религиозный аспект. Разница между клятвой и присягой, как представляется, заключается в коммуникативном дискурсе: присяга носит государственный, официальный, юридический статус в социально-общественном плане, а клятва — еще и личностный, семейный.

В устном народном творчестве разных народов есть элементы клятвы, включенные в те или иные жанровые образования. Они встречаются в калмыцких богатырских сказках, в легендах и преданиях, в эпосе. На материале фольклора и письменных памятников монгольских народов мотивы клятвоприношения кратко рассмотрены Б. Я. Владимирцовым [Монголо-ойратский 1923], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006], Т. Г. Борджановой [Борджанова 2007: 292–296], А. Т. Хараевой [Хараева 2012: 41–45], Ц. Б. Селеевой [Селеева 2013: 86–88], Г. Ц. Пюрбеевым [Пюрбеев 2015: 65–68], В. Т. Саранговым [Сарангов 2015: 70–71], Е. Е. Балданмаксаровой [Балданмаксарова 2013: 89–105].

В калмыцкой поэзии прошлого века выявлено два способа дефиниции жанра

стихотворения-клятвы: 1) стихотворение-клятва, 2) письмо-клятва. В первом случае — это художественный текст, представляющий собой стихотворную клятву кому-то и/или чему-то, обозначенный в названии ключевым словом «клятва». Таковы стихи-клятвы «Андхар» Гари Даваева [Даван Г. 1936: 4], Гари Шалбукова [Шалвра Г. 1938: 3], Эльди Кектеева [Көктэн Э. 1941: 3–8], созданные до и во время Великой Отечественной войны. Такой текст может иметь расширенное название с включением адресации. Например, в стихотворении Тимофея Бембеева «Ахдан өгсн андхар» ('Клятва, данная старшему брату') [Бембин Т. 1970: 63–65]. Или в заглавии автор поясняет, чья клятва. Например, у Муутла Эрдниева «Улан цегчин андхар» ('Клятва красноармейца') [Эрдний М. 1962: 264], в русском переводе — «Присяга красноармейца» [Эрдниев 1987: 16–17].

Наименование, помимо существительного и дополнения, может состоять из одного глагола, образованного от слова «клятва». Например, стихотворение красноармейца Дорджи Босхомджиева «Андхар-лжанав» ('Клянусь') [Босхмжин Д. 1942: 9].

В то же время есть и ошибочная маркировка стихотворения, когда название и содержание произведения не соответствуют друг другу, как в стихотворении Веры Шуграевой «Андхар» [Шугран В. 2008: 156–159], с известным сказочным сюжетом, кто кого перемолчит: здесь речь идет не о клятве, а о споре/уговоре — кто первый из детей заговорит, тот и моет посуду. Стихотворение джангарчи Басанга Мукебенова под названием «Авишг» ('Клятва') также можно отнести к жанру клятвы [Муковүно Б. 1962: 191; Мукебенов 1987: 18].

В структурном отношении стихотворения-клятвы калмыцких поэтов имеют монологическую или диалогическую парадигму, содержат речевые формулы, отсылающие к фольклорным образцам, постоянные эпитеты, сравнения, метафоры, гиперболы, риторические фигуры, героические примеры предков. Как правило, это тексты небольшого объема, емкие по содержанию, эмоциональные по выразительности.

Во втором случае письмо-клятва в стихотворной форме являет коллективное обращение, созданное от имени подписавшихся несколькими авторами. По форме

это письмо, адресованное кому-либо, подписанное множеством имен и/или названиями организаций. Например, «Сталинд өггч андһар» ('Клятва, данная Сталину') от имени участников VIII Пленума Союза писателей СССР, состоявшегося в Элисте в 1940 г., когда отмечалось 500-летие калмыцкого эпоса «Джангар» [Сталинд өггч андһар 1940: 1]. В то же время указано, что русский перевод осуществлен поэтами С. Липкиным и И. Френкелем [Клятва Сталину 1940: 1].

Мотив клятвы в калмыцком фольклоре

Как типическое место, часто встречаемое в калмыцких богатырских сказках и эпосе «Джангар», В. Т. Сарангов обозначил диалог-клятву богатыря и коня [Сарангов 2015: 70]. Согласно ученому, такой формулы нет ни в ойратских сказаниях, ни в других тюрко-монгольских эпических сказаниях. В качестве примеров указываются сказки «Восьмисотлетний старик Намджил Улан с семисотлетней старухой Додни Герел», «Буджин Дава-хан» и «Шанджин Улан-батор, потрясший божественный мир» [Сарангов 2015: 70].

В калмыцких богатырских сказках мотив клятвы встречается в эпизодах, когда персонажи обмениваются взаимными клятвами. Обычно это выражено в диалоговой форме: всадник клянется своему коню наказать его в будущем (убить), если тот не выполнит его условие — доставить в определенный срок к конкретному месту; в свою очередь, конь клянется исполнить данное ему поручение, если же всадник не удержится в седле, то он не вернется к хозяину. Как правило, конь сдерживает первую часть клятвы — доставляет богатыря куда надо и когда надо, но иногда нарушает вторую часть клятвы: возвращается за упавшим во время скачки всадником, считая, что ради хозяина можно нарушить клятву. Например, в сказке «Богатырь Шарада»: «Говорит Шарада коню своему: „Если не доскачешь завтра в полдень туда, где черное виднеется, не я буду, если не сделаю чашек из четырех стальных копыт твоих, не я буду, если из восьми твоих ребер палок для барабана не сделаю, а из кожи твоей барабанью крышку не приготовлю“».

Так поклялся Шарада своему коню. И конь клятвой ему ответил:

— Плавным скоком доскачу я завтра в полдень. Если же ты соскользнешь с меня во время скачки, и я вернусь и возьму тебя, да оторвется мой хвост, да сломаются кости мои.

Такой клятвой поклялся конь своему господину. Поскакали.

На следующий день ровно в полдень плавным скоком доскал конь. Оглянувшись — видит, что хозяин его, соскользнув, остался позади. Конь с ушами в пять сажень, телом в пятьдесят сажень сделал из накидок седла крылья, полетел назад.

— Нечего делать, хозяин любимый! Для тебя можно и клятву нарушить. — Потянул он богатыря, помог ему на седло сесть, доскал опять до нужного места» [Калмыцкие народные 1961: 21]. До этого конь Шарады клялся своим здоровьем (пусть оторвется хвост, пусть сломаются кости) — нарушение клятвы не повлекло за собой увечий.

В другой богатырской сказке «Буудя хан» Ойратский Шара Мерген грозит своему коню тем же наказанием в случае невыполнения поставленной цели, а конь тоже обещает доставить хозяина, но не вернуться за ним, если тот не удержится в седле [Калмыцкие богатырские 2017: 133]. Второй эпизод в той же сказке связан с двумя юношами, которые клянутся своим скакунам так же их наказать, как и Ойратский Шара Мерген, если они не сумеют доставить всадников в срок по назначению. А лошади тоже клянутся выполнить задание хозяев, но не вернуться за ними, если те упадут. «Так поклявшись, юноши [далее] помчались» [Калмыцкие богатырские 2017: 143, 145].

В отличие от людей, животные подкрепили клятву действием: в первом эпизоде тринадцать раз брюхом земли коснулись, во втором эпизоде три раза удил свои сбросили. Всем персонажам в этой сказке не пришлось выполнить свои клятвы: всадники домчались, никто никого не подвел. Когда в сказке «Хар халзн мөртэ Хадр Хар Авһин хан Сөнэк» ('Вороного с лысиной коня имеющего Хадыр хана Авги хан Сенаки') главный герой той формульной клятвой говорит своему коню, тот в ответ не клянется, но выполняет поручение. Во втором же эпизоде конь на ту же клятву хозяина обещает не вернуться за ним, если тот упадет, и трижды животное грудью касается земли,

подтверждая обещание [Калмыцкие богатырские 2017: 383, 385]. Ту же формульную клятву своему коню дает богатырь из сказки «Месин аавы сын богатырь Менкин Харин Чилденг» (‘Мөсин аавин мөнкин Харин Чилдн гидг баатр’) [Калмыцкие богатырские 2017: 347]. А в сказке «Шажн йиртмж хойриг дэвлүлсн Шажн Улан баатр» (‘Религию и окружающий мир расшатавший Шаджин Улан богатырь’) заглавный герой традиционной формулой (за исключением упоминания шкуры) клянется своему коню, а тот обещает не вернуться за хозяином, если всадник соскользнет с седла с неправильной стороны [Калмыцкие богатырские 2017: 461], «правильной стороной коня считается левая, с которой всадник садится в седло» [Калмыцкие богатырские 2017: 533].

Другой вид клятвы богатыря и коня представлен в сказке «Шилвлзгсн кеертэ Шижн Мөңгн Герел баатр» (‘Проворного гнедого имевший Шиджин Мёнген Герел богатырь’): «Если не сумеешь проскочить, то перестану считать тебя любимым верховым конем, — так сказав, он лизнул [лезвие] своего стального кинжала.

— Но если ты не удержишься на крупе моём, то я перестану считать тебя своим хозяином <...>» [Калмыцкие богатырские 2017: 469]. В отличие от предыдущих клятв (с убийством коня и оставлением всадника), этот пример не кровопролитный, но тем не менее мощный по смыслу, учитывая взаимосвязь человека и лошади у степных кочевников-воинов. Вариации первого типа клятвы всадника коню («Если к этому жеребцу меня ты не доставишь, из четырех твоих крепких копыт жертвенные чаши сделаю, из восьми подтягиваемых подпругой ребер твоих барабанные палочки сделаю, а шкурой с широкого, как наковальня, крупа твоего барабан обтяну!» [Калмыцкие богатырские 2017: 383]) и коня — хозяину (не вернусь, оставлю) демонстрируют и нарушение клятвы конем (возвращается за хозяином). В первой угрозе богатыря речь идет о том, чтобы из конских копыт сделать жертвенные чаши для лампад, по аналогии с традиционным сравнением копыт с такими предметами [Джангар 1990: 458]. Животные подкрепляют сказанную клятву ритуалом (неоднократно касаются земли брюхом или грудью, сбрасывают удила); а числа этих действий 13 (10+3) и 3 вклю-

чают сакрально-магический компонент [Пюрбеев 2015: 82–83]). И только во втором типе клятвы кочевник лизет лезвие своего кинжала в подтверждение сказанного. Этот клятвенный ритуал — лизание богатырем своего оружия — характерен для фольклорных жанров, в том числе для героического эпоса «Джангар», отражающего правовые отношения и юридические процедуры. Так, «обычай учинения присяги и принесения клятвы сопровождается лизанием оружия, поклонами и другими действиями, призванными подчеркнуть официальность момента, верность и непреложность сказанного. <...> В подтверждение андгара Бёке Цаган семикратно целует <букв. лизет> лезвие своего грозного булатного меча (*догшин хар селминир дола дэжс долав*) и трижды кланяется, прикасаясь к серебряному ханскому столу (*мөңгн цаган ширэднь мөн күрч хурв мөргс*)» [Пюрбеев 2015: 66].

Третий тип клятвы — убить врага на его территории — в богатырской сказке «Дамбин Улан баатр болн Давшуурин хурдн хар» (‘Богатырь Дамбин Улан и его конь Давшуурин хурдн хар’), когда заглавный герой клянется убить неприятеля на его земле, чтобы он не пришел на чужую землю («*талин ирх дээсиг өмнэснь эс сөрхлэ, куунд һазрт ирсн цегс омгта болдгинь*») [Седклин күр 1960: 43].

Четвертый тип клятвы фольклорного героя — убить сына — встречается в двух калмыцких преданиях о богатыре Мазане. Суть сыноубийства заключалась в том, что отец «покаялся: „Если плохой сын родится и останется после меня, то он слабее меня мужчиной будет, опозорит меня“» («Как Мазан узнал сына») [Мифы, легенды 2017: 255]. Поэтому лучше убить такого потомка. И Мазан убил трехлетнего мальчика, вначале поверив тому, что у него родится именно сын, а потом тому, что тот будет слабым мужчиной. И это несмотря на то, что мальчик (действительно его сын) в ситуации распознавания среди сотен детей-ровесников выдержал испытание: Мазан хотел вывихнуть ему руку, но не сумел. Благополучный обряд такой инициации не повлиял на решение отца. Клятве Мазана предшествовал случай, когда он, пытаясь забрать меч из рук убитого им восемнадцатилетнего противника Иштыка, расчленил тому по суставам пальцы, не выпуская оружия.

Вслед за А. Ш. Кичиковым [Кичиков 1976; Кичиков 1983] Б. Ю. Сенглеев считает, что, «поступив подобным образом, герой совершает тягчайший грех, который неизбежно влечет за собой различные формы сурового кармического воздаяния. Наиболее частотная форма наказания — бездетность. Данный вариант традиции часто обосновывается лексически — „сустав“ и „потомство“ в калмыцком языке являются омонимами и обозначаются словом „үй“. Поэтому, расчленения богатыря-иноземца по суставам, герой символически прерывает собственное поколение, что часто подчеркивается в тексте напрямую. Например, в одном из преданий об этом прямо заявляет сам Мазан: „И разрезав [Ишдгину] суставы и забрав меч, Мазан-батыр сказал: ‘Теперь у меня потомства не останется. Я у батыра меч [из руки] вырезал’ (‘Тегэд үйинь керчэд, үлдинь авч ирчкэд, Мазн баатр келж: ‘Ода нанд үндсн уга болх зөвтэ. Би баатр күүнэ үлдинь керч авув’))» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 109 (1), (118)]. Данный мотив мог возникнуть под влиянием реальных исторических событий. Известно, что основная линия потомков исторического Мазан-батыра, правящий род Эркетеневского улуса пресекся в начале XIX в. <...> В то же время его можно рассматривать как вариант разработки одной из свойственных эпосу тем — концу героического века» [Сенглеев 2019: 147–149]. Исследователь также отметил, что «представление о бездетности Мазан-батыра вступает в противоречие с достаточно развитым комплексом преданий и легенд о сыновьях героя <...>. Стремление разрешить это противоречие, по-видимому, приводит к возникновению сюжетов о сыноубийстве» [Сенглеев 2019: 147–149].

Другим противоречием, на наш взгляд, является то, что в устном народном творчестве калмыков распространена тема расправы богатыря с телом погибшего противника, которого герой расчленял по суставам, сжигал, прах рассеивал по ветру или бросал в воду и т. п., чтобы антагонист не возродился ни телом, ни душой [Эльбикова 2019], а поведение Мазана-батыра вполне соответствовало воинскому ритуалу — забрать трофей-оружие и уничтожить тело врага.

Обратим внимание на то, что во втором предании «Мазн нег дэж көвүһэн хасна туск» (‘Как Мазан однажды в сына

стрелял’) старый уже богатырь не выполнил клятвы, но не из-за того, что пожалел другого своего сына-юношу, спрятанного ранее от него родней, сказавшей, что новорожденный сын умер и где могила — неизвестно. Родня посоветовала юноше подъехать к отцу, привстав на стременах, а старик (сказав, что так и знал, плохой сын остался, опозорит его имя) выстрелил с кровати из кибитки, но промахнулся: стрела прошла между ног всадника. В старости Мазан стал плакать, сетуя на отсутствие наследника, который прославил бы его имя. Узнав, что у него все-таки есть взрослый сын, обрадовался, заявив, что теперь может умереть, увидев наследника. Недоверчивая же родня, надеясь, что Мазан в старости смягчился, но, зная о его клятве, подстраховалась и была права. Увидев, что сын остался жив, старый отец сказал: «Уй, унсн уга, үлдг, үлдг» [Алtn чеежтэ келмрч 2010: 27] (букв. ‘Ой, не упал, пусть останется, останется’). Заметим, отец целился именно в детородный орган наследника, таким образом, связывая свое действие с клятвой — прервать свое потомство. И родня, догадавшись, что Мазан будет стрелять не в голову, а ниже (в соответствии с клятвой), перехитрила старика: «Тиигчкэд көвүһэн толһаһарнь хашго гиһэд давсгин экэр хах гиһэд, „Тер хойр дөрэг дөрэлэд, босад йовтха“, — гижэнэ» [Алtn чеежтэ келмрч 2010: 26]. При этом мотив запутывания подкрепляется советом родни поменять местами стремяна: правое на левое, левое на правое. Так Мазан до конца не сдержал своей клятвы.

Если в калмыцких сказках обычно богатыри и их кони обмениваются клятвами во время путешествия/похода, то и в эпосе «Джангар» наблюдаем то же самое. Так, например, в главе о том, как женился Хонгор, есть диалог богатыря с его конем Кёке Галзаном с такой же традиционной формулой-клятвой наказания животного, если он не доставит в срок к Небесному Тёгя Бюсу, а тот отвечает, что если всадник упадет с седла, то не вернется за ним, не будет считать своим хозяином [Джангар 1990: 217].

В калмыцкой и синьцзян-ойратской версиях эпоса «Джангар» Ц. Б. Селеева указывает также на мотив клятвы богатыря, во-первых, перед отправлением в путь по поручению хана Джангара — это Хонгор Алый Лев, Строгий Санал, Прекраснейший

в мире Мингъян, во-вторых, клятвопринятие героя перед нападением и сражением с ханом-антагонистом — это Хошун Улан и Хонгор Алый Лев. Каждый богатырь произносит одну и ту же клятву мысленно или вслух: «если высохнуть суждено, то лишь восьми трубчатым костям его, если пролиться суждено, то лишь чаще крови его» [Селеева 2013: 88], перед этим выпив большое количество арзы (молочной водки), сжав кулаки и вращая глазами. В основе клятвы использованы фразеологизмы: *арвнцалан ясан эгрэх* ‘лечь костями, погибнуть’ (досл. ‘десять белых косточек своих сушить’), *ааһ цусан асхх / асхлх* ‘проливать свою кровь, биться, сражаться’ (досл. ‘чашу крови своей проливать’) [Пюрбеев 2015: 136, 134].

Иной вид клятвы произносит сам Джангар: «Да пусть отпадут / Четыре копыта у боевого коня моего Зэрде! / Да пусть изломается / Сандаловое мое копье, / Если не верну свой [табун]!» [Джангар 1990: 371]. Тяжелорукий Савар, отправляясь в путь, клянется Джангару увидеть его через пятнадцать месяцев, выполнив задание, при этом «священно-белым талисманом / Осенил он свое чело» [Джангар 1990: 360].

Еще один вид клятвы, как показывает Г. Ц. Пюрбеев, произносит богатырь Бёке Цаган перед отправлением в путь по поручению хана Хара Киняса — он должен взять в плен Алого Хонгора: «*Түүниг эс авч чадхнь, / Эн хаани маляла харһжэ үкс би, / Эрлг хаани засгла харһжэ үкс би*» ...» Если же не сумею, — / Умереть мне от плеток владыки-хана, / Погибнуть мне от наказаний Эрлик-хана» [Пюрбеев 2015: 65–66]. Так же клянется и Хонгор Джангару: «Я поеду один. / Да умереть мне от вашей кары, / Если в этой жизни своей / Не уничтожу род семи поколений / Лютого Замбал-хана! / Пусть в той жизни / От наказания Эрлик-хана я умру!» [Джангар 1990: 373]. Здесь уже Джангар дает Хонгору своего коня, свою золотую саблю и священным белым талисманом осеняет его чело, как бы принимая клятву. Разница заключается в том, что в первом случае богатыри могут героически погибнуть на поле сражения, во втором случае — могут умереть, наказанные хозяином на этом свете или Эрлик-ханом, владыкой ада, — на том свете. Смерти же все они не страшатся, пощады не просят, клятва подкрепляется священным талисманом.

Коллективная воинская клятва богатырей Джангару имеет развернутую словесную формулу, отличающуюся от предыдущих примеров. Например, в малодербетовском цикле (в переводе Т. Г. Борджановой). «*Жил насн хойран, / Жидин үзүрт өлгий. / Жилв бах хойран / Ганихн Жаһртан өргий. / Эн деерэн эргэд, / Эңгин олн амтнанни төлэ / Байн эмжэл нертэ / Элкэн үүлэд өгий. / Бух нигт гижэ / Өргл өөдни эс һарһсн күлг манд уга, / Улаһад иргсн / Зааһин хар далаһас бичэ эй. / Агсад иргсн күчтэ хаани / Мөсн шар зевин үзүрэс бичэ эй, / Эн йовх бийдэн / Буру уга зөвэр өңгрий / Годы свои / Отдадим острию копья, / Страсть и радость свою / Единственному Джангару отдадим. / Собравшись около эзена-владыки своего, / Отдадим искрошенную печень / По имени Байн Эмжил. / Нет среди нас такого вепря, / Который оглядывался назад. / Нет у нас боевого коня, который / Не взбирался на вершину горы, / Хотя она так высока. / Не устрашимся мы черного моря, / Появившегося из красного ущелья, / Не устрашимся мы / Льдисто-желтого лезвия оружия, / Отправляясь на бой, / Умрем за справедливость*» [Борджанова 2007: 292–293]. «У калмыков бытовало обозначение близкого родства — „родство по печени“, выраженное в словосочетании *элгн-садн. Отдавать раскрошенную печень* в данном случае — это выражение особой преданности владыке-эзену Джангару» [Борджанова 2007: 293]. Эта клятва двенадцати богатырей Джангара более известна в художественном переводе С. Липкина [Джангар 1989: 254–255], несколько отличающемся от оригинального текста [Жаһр 1990: 189–190]. Клятва начинается с упоминания копья. Копье, как отмечают исследователи, является жизненным хранителем богатыря. Поэтому и в упомянутой клятве Джангара речь идет о сломанном сандаловом копье, т. е. о гибели его владельца в случае нарушения им данного слова. Младший лейтенант Эльдя Кектеев в статье «Воинственный эпос» подчеркнул, что присяга богатырей «Джангара» вдохновляла калмыцких воинов в народных движениях Разина и Пугачева, в национально-освободительных войнах русского народа против шведов и нашествия Наполеона, в гражданской войне [Кектеев 1940: 2].

Среди распространенных клятв в эпосе «Джангар» есть обряд побратимства бо-

гатырей. Санал говорит: «Мы, двенадцать лучших вепрей, / Клятву друг другу дали» [Джангар 1990: 356]. Так, Хонгор напоминает Мингъяну: «Разве мы не клялись / В этой жизни быть братьями, / В той жизни — листьями в джодбо¹?» [Джангар 1990: 357].

Различные обряды клятвы побратимства как боевого содружества приводят исследователи на примерах ойратских сказаний о Бум-Эрдени, Дайни-Кюрюле, Шара-Бодоне, Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмю-Зэвэ, когда богатыри дают взаимную клятву, вкушают одну пищу, обмениваются подарками, талисманами божеств буддийского пантеона, пролезают под тетивой лука, потягивают табак, лижут лезвие оружия [Монголо-ойратский 1923: 76, 196, 246; Борджанова 2007: 295; Сарангов 2015: 43–44].

В средневековом письменном памятнике «Сокровенное сказание монголов» [Сокровенное сказание 1990] Е. Е. Балданмаксаровой рассмотрены первичные речевые жанры — «стихи-клятвы или присяжные (обетные) речи (§ 123, 124, 126, 137, 147, 164, 179 и др.)» [Балданмаксарова 2013: 92]. Среди них исследователь указывает на клятву воинов Чингис-хана у черного знамени перед военным походом, на ритуал освящения этого боевого знамени жертвоприношением (сердцем и кровью пленного противника) с произнесением клятвы готовности к бою и смерти, на клятву верности воинов Чингис-хагану, на клятву побратимства Чингис-хана и Джамухи, на клятву Ван-хана и Чингис-хана при обете отцовства и сыновства [Балданмаксарова 2013: 93–95].

Как в эпосе, так и в письменном памятнике стихи-клятвы отличаются лаконичностью, афористичностью, ритмом, образностью, эмоциональностью, формульностью, верой в магию слова. Такие тексты являют синтаксический параллелизм, аллитерацию (начальная и внутренняя), риторические фигуры. Все клятвы связаны с ритуалом, когда словам обычно сопутствуют определенные действия (например, воины лижут лезвие оружия, прикасаются к ханскому столу, осеняют священным белым талисманом и т. п.). Оппозицией клятве становится проклятие тому, кто нарушит данное им слово.

Поэтому в композиционном плане первая часть клятвы воинов содержит обещание, вторая часть — готовность принять кару/наказание за невыполнение обещанного.

В калмыцкой народной сказке «Далн хойр худл» («Семьдесят две небылицы») сын бедняка, рассказавший, по условиям хана, необходимое количество небылиц, в конце клянется, что все это правда, готов в случае обмана понести наказание, но перечисленные им напасти тоже носят абсурдный характер, являя, по нашему мнению, клятву-перевертыш. «Эн келсн тоотдм / Унн бээхлэ — үксүв! / Худл бээхлэ — хуухлулсүв! / Үксн керэ нүдим цокг! / Уул деер бээтлм, / Усн авг! / Усн деер бээтлм, / Үал авг! / Унтрсн Һалын зальд орсүв! / Урһад уга модар маанян хатхулсүв. / Һарад уга манжар буян келгсүв. / Худл гихлэ / — Андһарм тер» [Семьдесят две небылицы 1990: 43]. В переводе С. Липкина: «Услышали люди мой честный рассказ, / Где правильно каждое слово. / А если, хотя бы один вы найдете обман, / Пускай средь жестокой жары попаду я в буран, / Пускай запыхаю в речной быстрине, / Пускай утону в океанском огне, / Пусть ветка сандала, еще не возвращенного, / Могилу мою осенит недостойную, / Пусть отпрыск гелюнга, еще не рожденного, / Прочтет по душе моей заупокойную!» [Семьдесят две небылицы 1990: 86].

Следовательно, клятвы в калмыцких богатырских сказках, преданиях, эпосе, «Семидесяти двух небылицах» типологически различны: 1) взаимные клятвы всадника и его коня, 2) взаимные клятвы богатырей, 3) коллективная клятва богатырей хану, 4) клятва сыноубийства, 5) взаимная клятва побратимства, 6) взаимная клятва отцовства и сыновства, 7) клятва-перевертыш. В ритуале слова клятвы сопровождаются действиями: у людей — лизать лезвие оружия, прикасаться к ханскому столу, осеменять священным талисманом, пролезать под тетивой лука, обмениваться подарками; у животных — прикасаться к земле брюхом или грудью, сбрасывать удила. В структурном отношении первая часть клятвы может содержать условие, вторая — обещанную угрозу в случае невыполнения условия; а также обещание в первой части, во второй — готовность принять наказание за нарушение клятвы. В содержательном плане клятва включает апелляцию к кому-либо

¹ То есть листьями в священной буддийской книге.

или чему-либо. Клятвы обычно редко нарушаются персонажами. Исключением является заведомая клятва-перевертыш.

Стихи-клятвы XIX – начала XX в.

Прежде чем исследовать стихи-клятвы в калмыцкой поэзии XX в., обратимся к стихотворению «Андһар» (‘Клятва’) калмыцкого поэта Ончхана Джиргала, участника Отечественной войны 1812 г. «*Насн турш көөлдх / Нертэ чи хортч! / Нег цагт бэргдх / Нойон доск мөгдгч! // Залу цогцан бээхлэ, / Зерг чамд хорлхв! / Тав цагм ирхлэ, / Түмн чамаг өрлхв!*» [Ончхан Ж. 1962: 119]. В смысловом переводе: «Всю жизнь тебя будут преследовать, известный ты враг! Однажды тебя поймают, дряхлый паршивый нойон! И лишат тебя твоего звания! Когда наступит удобное время, тысячи людей возьмут с тебя долг!».

Этот текст социально-классового характера об отношении народа к феодальной знати — лирический субъект клянется нойону, что народное возмездие его настигнет: тысячи людей выполнят свой долг — убьют как врага. Каждое предложение заканчивается риторической фигурой — восклицательным знаком, подчеркивающим решимость и эмоциональный заряд клятвы.

Стихотворение Гари Даваева «Андһар» (‘Клятва’, 1936) по своей функции близко предыдущему произведению. Автор от имени молодого поколения 1930-х гг. клянется усердно овладевать знаниями в классовой борьбе под руководством коммунистов и комсомольцев, по заветам Маркса и Энгельса, стать примером для товарищей. Он готов к борьбе за народное дело: «*Көдлмич улсин кергин төлэ / Кезэдчн белэр йовнав!*» [Даван Ы. 1936: 4]. Оборонной тематике посвящено стихотворение Гари Шалбурова «Андһар» (‘Клятва’, 1938). Младший брат, явившись в воинскую часть, просит заменить собою погибшего в бою старшего брата, клянется родине отомстить противнику-фашисту, «подарить» ему пули: «*Эдлж йовсн хамгинь, / Эңкр дүүднь бэрүлтн. / Орт-нутгин өмн / Андһар өгч бээнэв. / Ахан алсн нохаст / Онцднь сум „белгнэв“*» [Шалвра Ы. 1938: 3]. У Мутула Эрдниева стихотворение под названием «Улан цегчин андһар» (‘Присяга красноармейца’, 1939) перекликается с военной присягой. Монологическая речь главного героя проникнута патриотической готовностью выполнить гражданский

долг — служить в Красной Армии. Он гордится званием воина, клянется матери, семье не опозорить это имя: «*Дээч гисн нерм / Дегд үнтэднь бахтнав, / Эн нерэн бузрди-годан / Ээж, бүлдэ нанд һарллав*» [Эрднин М. 1962: 264]. В духе эпических богатырей красноармеец утверждает, что у него отважное сердце, быстрый конь и лучший меч. Основная часть монолога — перечисление того, за что воин готов идти в бой: за родную землю, за серп и молот, за партию, за товарищей. Здесь автор использует реди́ф — многократную конечную рифму (төлэ = во имя). В конце стихотворения главный герой утверждает, что, исполняя данную клятву, будет сражаться, не отступив ни шагу: «*Өгсн андһаран күцэж, / Ишкмчн цухрлго ноолдхв!*» [Эрднин М. 1962: 264]. Общими словами заканчивается перевод Г. Фролова: «Не отступлю назад в боях, / Врага сломить сумею. / А если жизнь моя нужна — / Себя не пожалею» [Эрдниев 1987: 17]. Между тем поэт трансформирует слова клятвы богатырей эпоса о чаше пролитой крови: «*Цусн асхра гижэ, / Цухржэ хэрү һаршгов! / Цагин эргүн керглхлэ, / Цогцан чигн хармнишгов!*» [Эрднин М. 1962: 264]. В смысловом переводе: «Пусть прольется кровь, не отступлю! Когда время придет, не пожалею себя!» (букв. ‘своего тела’). Ср. в стихотворении Церена Леджинова «Фашизм үкх!» (‘Фашизм умрет!’, 1941): «*Цусан чилтлнь, / Һээсдлэ ноолднав*» [Леежнэ Ц. 1990: 111], т. е. «Буду бороться с противником, пока кровью не истеку». Стихотворение М. Эрдниева, структурированное разными видами анафоры (перекрестной, парной, сплошной), во второй части изобилует восклицательными знаками. В довоенном стихотворении этого поэта «Мана чидл» (‘Наша сила’, 1939) среди клятвенных формул встречается новая метафора: «*Нохас, һалзунрт цугтаднь / „Номһрулгч кишг“ өмскхвдн!*» [Эрднин М. 1939: 3], т. е. «Всем бешеным собакам надем „смирительную рубашку“!».

Клятвы в стихотворениях военных лет

Если указанные произведения были созданы до начала Великой Отечественной войны, то стихотворение Эльди Кектеева написано в самом начале войны — 30 июня 1941 г. в Элисте. Оно отличается большим объемом, единым текстом без деления на строфы, «лесенкой». В отличие от моло-

дых героев Даваева, Шалбурова, Эрдниева герой Кектеева относится к старшему поколению, имеет опыт боевых действий, бывший партизан. Поэтому монологическая форма стихотворения представляет собой развернутые размышления старого человека, обращенные к родине, о том, как строил новую жизнь с товарищами, о своем героическом прошлом — участии в первой мировой войне, о гражданской войне за советскую власть, о том, как отправил на новую войну сначала старшего сына, дав ему наказ: «*Хортн босхла, / Хээчтэ харһ! / Халда үзхлэ, / Хурдлулад кирһ!*» [Көктэн Э. 1941: 5]. В смысловом переводе: «Если враг нападет, уничтожь его! (букв. ‘предай ножницам’). Если увидишь бой, быстрее действуй» (букв. ‘стриги’). Отец сравнил Гитлера, развязавшего мировую войну себе на погибель, с Наполеоном, с синим волком, поэтому он призывает младшего сына прийти на помощь старшему брату, чтобы покончить с взбесившейся нечистой силой. За родную землю, за Сталина дает он клятву. Для отца сыновья равносильны его сердцу. Он наказывает сыновьям не бояться огня, защитить социализм, государственные границы, убить бешеного врага, не отступить. Старый партизан клянется пойти на войну, когда понадобится: «*Кергтэ болхла / би одхв! / Көгшн партизан / аавтн мордхв!*» [Көктэн Э. 1941: 7]. Ср. в стихотворении Л. Инджиева «Көгшн партизана уг» (‘Слово старого партизана’, 1941): «*Үсм ода буурл болвчн / Үрст босх шүрүтәһән бәәһәв, / Хойр нүдм одачн хури мергн, / Хортыг, фашизмиг харвад бәәхв. // Догшн болд үлдм хури — / Дош гилгр кевтән бәәһә*» [Инжин Л. 1941: 1]. Смысловый перевод: «Хотя я поседел, готов участвовать в схватке. Глаза мои по-прежнему зорки, врага, фашизм готов застрелить. Булатный меч по-прежнему острый». Старый герой Кектеева в то же время обозначает свое место в тылу — клянется обеспечить хлебом страну: «*Төрскән / һуйрар теткнәв, / Тәрән бәәнә, / бичә гәтн!*» [Көктэн Э. 1941: 8]. Он выражает уверенность в том, что Гитлер будет уничтожен, сыновья с победой вернутся домой. По обычаю свой монолог старый человек завершил йорялом-благопожеланием — расти стране под знаменем цвета крови, по-прежнему славить свое имя: «*Цусн / улан тугта / Цөөһәс / бат зүрктә, / Цолвңтрсн /*

төрскм өстхә! / Цаарандньчн / бас туурт-ха!» [Көктэн Э. 1941: 8]. Сравнение красного цвета знамени возникает в контексте пролитой за родину крови ее защитников. В произвольный перевод В. Гришаева включен ответ сыновей захватчику: «И так врагу, / Встречаясь грудью, / Сыны сказали, не боясь: / — Прочь! / Здесь Страны Советов люди / Свою отстаивают власть. / Запомни: / Смерть или победа! / Нам выбора другого нет. / Пройдя / По твоему же следу, / Мы пронесем / Наш флаг побед» [Кектеев 1958: 85]. Иначе решен в переводе и финал стихотворения с характерными пропагандистскими советскими клише: «И вышло так. / Страна Советов, / В войне победу одержав, / Всю землю озарила светом / Идей великих, / Славных прав» [Кектеев 1958: 85].

Стихотворение красноармейца Дорджи Босхомджиева «Андһарлжанав» (‘Клянись’) опубликовано в журнале «Улан Туг» в 1942 г. Описание тяжелых боев Красной Армии с неприятелем, осознающим свою скорую гибель, автор подкрепляет клятвой лирического субъекта, отправившегося для освобождения родины на степном аранзале. Он дает клятву Калмыкии, взрастившей его: «*Асрж өсгсн эврә Хальмгтан / Андһаран баттар би өгчәнәв*» [Босхмжин Д. 1942: 9]. Как у Кектеева, здесь также упоминается имя Сталина, под руководством которого герой клянется беспощадно громить захватчика: «*Делкән нарн Сталинә залврар / Деермчн-риг өршәңһү угаһар куднав!»* [Босхмжин Д. 1942: 9]. В последнем катрене герой клянется истребить вражеский род: «*Үнч делкән андн өшәтиг / Үрглэжднь тохмарнь уга кехв!»* [Босхмжин Д. 1942: 9]. В этом случае клятва смыкается с проклятием, которое у калмыков считается самым страшным. Ср. в стихотворении Ц. Леджинова «Әмән әрвл-лго» (‘Не щадя жизни’, 1941): «*Тохм тасл уга / Төрүц бичә ир!»* [Леежнә Ц. 1990: 105], т. е. «Не оборвав [вражеский] род, не возвращаясь!». Заключительные строки Д. Босхомджиева передают веру в неизбежную победу, он клянется Родине, Калмыкии, что красное знамя победы, развеваясь, прибудет на родную землю: «*Дилврин улан туган делскж, / Төрскм, Хальмгм, чамурн ирхв!»* [Босхмжин Д. 1942: 9]. В стихотворении не везде выдержана анафора того или иного вида, рифмовка перекрестная, рифма мужская. В духе фольклорных традиций

поэт также передал образ боевого коня с эпитетами «степной» (*теегин*), «золотой» (*алтн*), калмыцкое проклятие, клятвенные формулы.

В названии стихотворений калмыцких поэтов на оборонную и военную тематику [Ханинова 2019: 65–67] есть элементы клятв-наказов. Например, у Михаила Хонинова «Орн-нутган харс!» («Защищай страну!») [Хоньна М. 1939а: 2], «Чи тедниг дурá!» («Подражай им!») [Хоньна М. 1939б: 4], Лиджи Хонинова «Харсач болхв» («Стану защитником»), «Дуулий — дикий» («Споём — победим») [Хоньна Л. 1938: 3; Хоньна Л. 1941: 1], Басанга Дорджиева «Болх дээнд белдий!» («Будем готовы к грядущей войне!»), «Батар бууһан атх!» («Крепче держи винтовку!») [Доржин Б. 1938: 4; Доржин Б. 1939: 1], Церена Леджинова «Дээсэн дархвдн» («Уничтожим войну») [Леежнэ Ц. 1941: 1]. Лирический субъект Леджинова клянется покарать захватчика: «*Һалзу андн / Геснчн буулдх! <...> Үкличн амндчн / Үмкүләд тэвхвдн*» [Леежнэ Ц. 1941: 1], т. е. «Бешеный зверь, вспорем [тебе] брюхо! <...> Засунем [тебе] смерть в пасть». Давид Кугультинов стихотворение «Эж көгшн теэгтэн» («Старой матери-степи», 1942) завершает клятвой: «*Кемр хальмгин туурсн нер ээһэд һутахлам, / Кемр Жаңһр, Хоңһрин нер хэрү цухржэ буздахлам, / Цусим мини, теегм, харажэ өөрт хуврулич, / Цогцим мини, теегм, жигич, бичэ бийдэн авич!*» [Көглтин Д. 2012: 35]. Смысловой перевод: «Если я, трусив, опозорю прославленное имя калмыка, если, отступив, я замараю имена Джангара и Хонгора, кровь мою, моя степь, прокляни, превратив в гной, тело мое, моя степь, брезгуя, не возьми к себе!». Здесь элементы клятвы взаимосвязаны с карой-наказанием за возможное нарушение сказанного обещания. Поэт апеллирует к воинской доблести предков, эпических богатырей, готов принять проклятие матери-степи, упомянув свою кровь и тело. Ср. этот фрагмент в переводе Новеллы Матвеевой: «Степь! Если в грозном бою, / Трусив, себя запятнаю, / Степь, если Джангра и Хонгра / я оскверню имена, — / Кровь мою в гной преврати, / О степь! / И, брезгуя мною, / Тело мое не прими / В лоно святое свое!» [Кугультинов 1988: 21], из названия же исчез ключевой эпитет по отношению к степи «старая» [Кугультинов 1988: 20], которым поэт актуа-

лизировал героико-патриотический пафос произведения, передав воинские традиции народа. Словами клятвы завершается стихотворение Д. Кугультинова «Намрин салкна дун» («Песня осеннего ветра», 1941): «*Селмин болд бичэ хээлтхэ — / Седклинь өвдкүрэр ханав! / Зүркм цухлас бичэ хаһртха — / Зөргиннь халар дэврнэв! // Нартын зовлзгас зулигоһар / Насарн анһар тэвнэв! / Үннэ төлэ бэрлэдэнд / Үкэд чигн однав!*» [Көглтин Д. 2012: 38]. Смысловой перевод: «Пусть не расплавится сталь меча — утолю душевную боль! Пусть сердце не разорвется от гнева — мужественно буду наступать! Не убежать от бед мира клянусь своей жизнью! В схватке за правду готов умереть!». Метафора о стальном мече гиперболически передает множественность использования оружия в схватке с врагом. Характерное для многих калмыцких поэтов включение в боевой арсенал старинного оружия как эстафеты преемственности поколений подтверждается и в кугультиновском стихотворении «*Жаңһр, Хоңһр, альдвт?*» «Джангар, Хонгор, где вы?» (1942), где автор, обращаясь к эпическим богатырям, просит дать ему копье и секиру: «*Жаңһр, Хоңһр, альдвт? / Жид, балтан өгит!*» [Көглтин Дава 2012: 41]. Упоминание копья отсылает к коллективной клятве богатырей Джангара. В контексте стихотворения Морхаджи Нармаева «Ниргэд босх болтха!» «Пусть шумно встанут!» (1943) то же обращение к героическим примерам истории, которые остались в народной памяти, к современникам с пожеланием прославления их имен, чтобы на место одного встали десять воинов: «*Мөңк нертнн тууртха, / Ман дотран бээтхэ. / Негнэ ормд, арвнь / Ниргэд босх болтха!*» [Нармин М. 1987: 65].

Анджа Тачиев в стихотворении «Делгэ Эрднь» («Эрдни Деликов») о подвиге героя на Дону привносит в его слова напоминание соратникам-калмыкам о том, что они — потомки Хонгора: «*Хальмг теегин үрдүд, / Хоңһрин тохм билэлт!*» [Тачин А. 1982: 19]. В созданном во время войны стихотворении «Авшг» («Клятва») Б. Мукебенов двустийшиями передает общенародный патриотизм, выражая готовность защитников родины подняться на борьбу с врагом — разломить ему голову, свернуть шею, сломать позвоночник, заставить замолчать, ослепить, сжечь в огне, который разожгли сами за-

хватчики. «*Кишго үмкэ ухата толһаһинь күүчий, / Күзүни һурвн нурһинь цааран һарһий. // Һэ андн күслинь үмснд хуврэй, / Һолын һурвн нурһинь нааран һарһий. // Гиң гих дууһинь эрс таслый, / Гилс гих нүдинь сохлад оркий. <...> Таслвр угаһар хортых бидн цокий, / Тэвсн түүмртнь хэрү бийсинь шатай*» [Мукөвүнэ Б. 1962: 191]. Такое детальное описание отсылает к расправе эпических богатырей с противником. Здесь также упоминается роль партии большевиков в организации отпора врагу. В переводе Г. Фатеева заключительный призыв («Ради красного солнца — к победе вперед! / Ради счастья народа — к победе вперед!» [Мукубенов 1987: 18]) передан без ключевого слова-обращения «наши» («манахс»).

В стихотворении Анатолия Кукаева «Партизана эк» («Мать партизана») сын клянется матери не пожалеть своей жизни ради ее счастливого будущего: «*Тадна төөкнүн эсирһлин төлэ / Төрүц эмэн эрвлиш угав*» [Куукан А. 2009: 108]. Единичный образ матери вырастает в обобщенный образ всех матерей воинов, в конечном итоге — в символ родины-матери.

Санжара Байдыев, назвав свое стихотворение «Андһар» («Клятва»), отдает дань памяти старшим поколениям, защищавшим страну во время Великой Отечественной войны, пролившим свою кровь ради мира, открывшим поэту золотую дорогу жизни («*алтн хаалһ*»). Он также клянется родине, если черные тучи завтра придут, взять в руки винтовку, до последнего вздоха стрелять во врага, ради победы пролить свою кровь до конца, а если потребуется, отдать свою жизнь: «*...эн насндан / Андһаран Төрскндэн өгнэв. / Хар үүлн маңһдур / Хархлад ирхлэ маднур / (Келсн һазрас заальг), / Көвүнтн түрүн сөргхв. // Бууһан атхх чидлэн / Бичэ бийэсн уужасв, / Сүл эмсхл күртлэн / Суман хортнур илгэсв. // Дусал күртлн цусан / Дишлврн төлэ асхнав. / Төрскндм кергтэ болхла, / Торлго эмэн өгнэв*» [Байдын С. 1960: 18]. Поэт готов противопоставить вражеским пулям свою убийственную клятву: «*Хорта сумна өмнэс / Хорн андһар зөрүлхв*» [Байдын С. 1960: 19].

Для Тимофея Бембеева память о прошлой войне — это и память о старшем брате, погибшем в бою. В первом варианте его стихотворение называлось «Ахдан өгсн андһар» («Клятва старшему брату») [Бембин Т.

1970: 63–65], во втором варианте — иначе: «Андһар» («Клятва») с посвящением «Ахдан — хазг офицер В. О. Шарманджиевд» («Брату — казаку-офицеру В. О. Шарманджиеву») [Бембин Т. 1980: 87]. Автобиографическая история о том, как получали извещения о смерти погибших на войне воинов-калмыков, в том числе, как получили в семье такое извещение о смерти старшего брата, перерастает в размышления поэта о бессмертии павших за отчизну, которая им благодарна: «*Төрскэн харсад, хорснд / Төрүц үкл уга! / Эмэрн шордад, зөрснд, / Эрэсэ кевтэн хана!*» [Бембин Т. 1970: 65]. Собственная клятва брать пример с брата подкрепляется движением — поднятым вверх сжатым кулаком: «*Андһар доран өглэв. / Ахан дурах болж / Атхсн нудрман өрглэв*» [Бембин Т. 1970: 65].

Среди обязательных элементов довоенных и военных советских стихотворений-клятв упоминания партии, комсомола, социализма, имен Ленина и Сталина. По словам Н. Мусовой, калмыцкие поэты «правдиво и ярко отразили самую основу советского героизма и патриотизма, в границах социалистического реализма претворяли свойственные ему качества и принципы» [Мусова 1977: 98].

Письмо-клятва

Коллективное стихотворное письмо «Сталинд өггч андһар» «Клятва Сталину» (1940) было создано от имени участников юбилейного VIII Пленума Союза писателей СССР, состоявшегося в Элисте осенью 1940 г. в связи с 500-летием калмыцкого эпоса «Джангар». Оно было опубликовано 15 сентября в газете «Улан хальмг» («Красный калмык»), 18 сентября — в газете «Улан баһчуд» («Красная молодежь»), в переводе Семена Липкина и Ильи Френкеля — в газете «Ленинский путь». Авторами клятвы стали народные певцы, джангарчи и поэты городов, краев и республик страны. Описание праздничных торжеств в столице Калмыцкой ССР преподносится как воплощение наяву эпической страны Бумбы: «*Бумб гидг бат орнд өнр дуудар тосна, / Бумб гидг бахта орнд байрар тосна*» [Сталинд өггч андһар 1940: 1]. Все достижения страны связаны с ее руководителем И. В. Сталиным, которому клянутся авторы письма: «*Энүни чирэд эврәннь алдришл, дүүврдлһ үздвдн, — / Энүнд эврәннь андһаран Ста-*

линд бидн өгчэнэвдн; // Энд, хальмг һазрт, нээрт, андһар авбвдн, — / Эркн баатр чамдан энүгэн бидн тальввдн!» [Сталинд өггч андһар 1940: 1]. В русском переводе: «В нем свою славу мы видим, отвагу свою, / Сталину здесь мы даем присягу свою. // Здесь, на калмыцкой земле, на пиру круговом / Богатырю испоинов мы клятву даем» [Клятва Сталину 1940: 1]. Включение трансформированной коллективной клятвы эпических богатырей призвано связать воедино героико-патриотическую тему истории и современности: «Жилв бах хамгас, буульмж гидгас зулхай, / Жил насн хойран кевтнь төрскндэн өгчхэй: // Эңгин эңкр олн амтни төлө үкчхэй, — / Элкэн йүүлэд, эмжл зүркэн энүндэн өгчхэй!» [Сталинд өггч андһар 1940: 1]. Непосредственно в самой клятве речь идет о клятве родине, о готовности умереть за народ. Как и в эпосе, здесь клянутся искрошенной печенью (элкэн йүүлэд), готовы отдать сердце. В русском переводе: «Да отрешимся от зависти, от похвальбы, / От затаенной вражды, от измен, от алчбы. / Грудь свои обнажим и вынем сердца / И за народ отдадим нашу кровь до конца» [Клятва Сталину 1940: 1]. Мотив единения и дружбы народов страны актуализирует роль большевистской партии, Ленина и Сталина: «Хамц ниийһар өргндэн болн өндртэн өсчхэй, / Хамц ни бээлһн оньдин баатринь медчхэй! // Баатр олн амтнэ үүрлт даңгин батртха! / Балтас бат, чаңһ, теңсэс өргн болтха! // Эңкр ормдн һазр деер дүңгәһэд бээтхә! / Эс унтрдг нарар үрглжд герлтэд бээтхә! // Баатр партий, большевистск партий менд болтха! / Баатр энмдн, дуунд мактг-дад, мөңкрх болтха!» [Сталинд өггч андһар 1940: 1]. В конце письма клятва соединена с йорялом-благопожеланием: «Будем едины — мы вырастим ввысь и вширь, / Ибо всегда единение — богатырь. // Пусть наша дружба народов-богатырей / Будет сильнее булата и шире морей. // Пусть на земле возвышается наша страна, / Неугасающим солнцем озарена. // Да прославится в песнях навеки веков / Партия мужества, партия большевиков» [Клятва Сталину 1940: 1]. Заключительные строки клятвы призваны проецировать перспективу светлого будущего человечества и отчизны: «Ленинэ нерэр цуг делкэг серүлэд бээчхэй! / Сталинэ нертэ ик ноолдаст дилжэ йовчхай!» [Сталинд өггч андһар 1940: 1]. В русском переводе: «Именем Ленина

будем весь мир пробуждать, / С именем Сталина будем в боях побеждать!» [Клятва Сталину 1940: 1]. Оригинал имеет двустипшия с парной анафорой и рифмовкой, в переводе также использованы двустипшия с парной рифмовкой, мужской рифмой.

Спустя два года было создано стихотворное «Письмо воинов-калмыков великому вождю и полководцу советского народа товарищу Сталину» [Письмо воинов-калмыков... 1942: 1] и опубликовано газетой «Ленинский путь» 3 июля 1942 г. Оно написано на русском языке с пояснением: «Письмо изложили поэты-фронтовики Семен Липкин и Санджи Дорджинов» [Письмо воинов-калмыков... 1942: 1]. «По поручению бойцов, командиров, политработников и начальствующего состава письмо подписали» представители 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии с указанием инициалов, фамилий и воинских званий, должностей [Письмо воинов-калмыков 1942: 1]. В отличие от первого коллективного письма-клятвы этот текст отличается большим объемом, но также включает фрагмент богатырской клятвы из эпоса «Джангар», что связано с довоенным переводчиком калмыцкого героического эпоса С. Липкиным. Послевоенные републикации этого письма-клятвы существенно отличаются от первоисточника как заглавием, из которого исчез старый адресат (Сталин) [Письмо-клятва воинов 2015: 342–346] и/или появились новые (Коммунистическая партия и Советское правительство) [Письмо воинов 2005: 342–346], так и содержанием (сокращением мест с упоминанием имени Сталина), без пояснения сделанных купюр в новых изданиях, но с газетной отсылкой. С одной стороны, это обусловлено трагическим периодом депортации и ссылки калмыцкого народа в период сталинских репрессий (1943–1956), с другой — сложной судьбой 110-й ОККД в годы Великой Отечественной войны и послевоенным изучением истории этой калмыцкой дивизии [Очиров, Заярный 2018].

Письмо-клятва в первоисточнике начинается с обращения авторов к адресату Сталину, как и положено было в любом письме, с характеристикой его как военачальника освободительных сил, как солнца победы, опоры в священной борьбе. После вступления основная часть включает четыре части,

состоящие из строф различной величины, за исключением двустуший, напоминающих о клятве богатырей Джангара. Прием ретроспекции передает страницы воинской славы народов страны, в том числе калмыков, участвовавших в борьбе за ее свободу и независимость. Переход к современности с упоминанием имени Гитлера определен клятвами воинов покарать врагов мечом справедливости, стереть сталью с родной земли, «накормить» горячими пулями, заставить грызть землю. Повторив первые строки коллективной эпической клятвы богатырей, авторы пишут: «Да никогда калмык не бросится вспять, / Вражью завидев неисчислимую рать. // Да никогда не скажет неправды язык, / Да никогда не будет трусом калмык. // Знаменем красным в походах себя осеня, / Будем лелеять надежного друга-коня. // Да никогда у калмыка не дрогнет рука, / Бить наших недругов будем наверняка. // Будем умело сражаться за собственный кров, / Мы превратимся в искуснейших мастеров. // На скакунах полетим урагана быстрей, / Вызовим нашу землю от ига зверей. // Все свои силы, волю свою соберем, / Осуществим чужеземных полчищ разгром. // С именем Сталина в грозных боях победим, / С именем Сталина братьев освободим» [[Письмо воинов-калмыков 1942: 1](#)]. Включение в текст деталей о надежном коне-друге, о скакунах в этом случае определено воинской спецификой — речь идет о 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Таким образом, включение элементов коллективной клятвы богатырей из эпоса «Джангар» в два письма обусловлено помимо фольклорной традиции также и тем, что С. Липкин еще до войны перевел этот памятник устного народного творчества калмыков.

Стихи-клятвы не получили широкого развития и в советской поэзии XX в. Отдельные примеры с жанровым обозначением есть в произведениях периода Великой Отечественной войны. Например, стихотворение «Клятва» армянского поэта Татула Гуряна с клятвой стране в русском переводе В. Баласана: «И если когда-нибудь я / дышать перестану тобой, / Сойду на кривую тропу / иль сделаюсь в тягость тебе, — / То ты меня в землю втопчи / своею железной стопой, / И пусть раздастся всегда / твой твердый и правильный бег» [[Гурян 1985: 80](#)].

В татарской поэзии периода Великой Отечественной войны, в стихотворениях М. Джалиля «Клятва артиллериста» (1941) и Ф. Карима «Клятва» (1942), звучат те же идеологические мотивы преданности народу, защиты родины, ненависти к врагу, непобедимости страны Советов, доминируют архетипы героя, врага, «мудрого отца» и Родины-матери [[Юсупова 2010: 56–61](#)]. Удмуртская поэзия того же периода выполнила прежде всего мобилизующую роль [[Зайцева, Петрова 2018: 106–116](#)].

В «Ленинградском цикле» Анны Ахматовой есть как стихотворение «Клятва» (1941), так и текст, не имеющий жанрового обозначения стихотворения-клятвы, например, «Мужество» (1942) [[Ахматова 1977: 210; 212](#)], в контексте цикла приобретающие мотивы клятвы/присяги. Так в первом тексте-четверостишии адресация к детям (иными словами, к будущему, живому) и к могилам (иными словами, к прошлому, к мертвому) в мотиве патриотической клятвы — покориться никто не заставит — скрепляет бинарную оппозицию жизнь / смерть, бытие / бессмертие.

Выводы

Понятие клятвы в калмыцком языке имеет несколько наименований: «*андһар*», «*шахан*», «*авишг*», передавая смысловые значения присяги, обета, заповеди. В основном калмыцкие поэты включали в название стихотворений-клятв первое наименование — как существительное («*Андһар* = Клятва»), как глагольную форму («*Андһарлжана* = Клянусь»), как существительное с дополнением («*Ахдан өгсн андһар* = Клятва, данная старшему брату»); («*Улан цергчин андһар* = Присяга красноармейца»). При этом «Присяга красноармейца» М. Эрдниева не воспроизводит собственно воинскую клятву, а имеет личную направленность лирического субъекта. В этих произведениях использована традиционная форма национального стихосложения (аллитерация, анафора, редиф, двустушия), встречается и заимствованная структура «лесенки».

Фольклорные истоки патриотизма, показанные в разных жанрах устного народного творчества, воплотились в стихах-клятвах и письмах-клятвах калмыцких поэтов XX в. Как указывает Е. Джамбинова, «в эпоху строительства социализма происходит историко-социальная конкретизация патриоти-

ческой идеи. Если Джангар и шелудивый мальчик защищают вымышленную Страну Счастья — Бумбу и идеальное царство хана Тангсыка, то в первых произведениях советских калмыцких поэтов патриотическая устремленность имеет вполне четкий социальный адрес — поэты воспевают Страну Советов» [Джамбинова 1977: 70].

Фрагменты формульных клятв воинов в калмыцких богатырских сказках, эпосе «Джангар», связанные с идеей защиты родины и народа, трансформировались в жанрах авторских стихотворений-клятв и коллективных писем-клятв, созданных прежде всего в довоенный и военный период. Элементы таких формульных клятв вошли широко и в стихи калмыцких поэтов, не обусловленные указанной жанровой разновидностью. Мотив клятвы побратимства также определен мотивом боевого содружества в аспекте всенародной борьбы за свободу отечества. Тема исторической памяти в стихах-клятвах манифестирует эстафету патриотической преемственности в калмыцкой поэзии, являя автобиографизм. Для авторов свойственно обращение к именам и образам эпических богатырей — Джангара, Хонгора и др., упоминание боевых коней и оружия — меча, копья, секиры и т. п. Жертвенность и самопожертвование советских воинов опираются на формульные клятвы предков — пролить свою кровь, отдать

жизнь, не отступить, не уронить своей чести. В стихи-клятвы вводились элементы йорялов-благопожеланий защитникам родины и проклятий в адрес врага, которого позиционируют как нечистую силу, чудовище, бешеную собаку. Советская идеологическая лексика с обозначением государственных структур, организаций, политических деятелей, советская мифология с архетипами героя, врага, отца-вождя и матери-родины отражали в таких произведениях авторскую приверженность новому строю, новому мировоззрению, не вступающую в противоречие с патриотической идеей защиты родины и народа. Характерными примерами можно назвать и коллективные письма-клятвы Сталину 1940 и 1942 гг. Отметим, что если первое такое письмо имело оригинальный текст и русский перевод, то второе письмо было создано на русском языке без исходного калмыцкого текста. Художественные переводы на русский язык исследованных произведений не всегда передают своеобразие оригинальных творений.

Изученные жанровые образования не были распространенным явлением в калмыцкой поэзии XX в., имели локальный характер в довоенный и военный период, сыграли свою патриотическую роль, продемонстрировали тему исторической памяти народа в аспекте фольклорных традиций и новаций.

Источники

- Алтн чеежтэ келмрч 2010 — Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня = Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.
- Ахматова 1977 — Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / сост., подг. текста и прим. В. М. Жирмунского. М.: Сов. писатель, 1977. 560 с.
- Байдын С. 1960 — Байдын С. Андһар // Байдын С. Зүркнәнн цоклһар: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. X. 18–19.
- Бембин Т. 1970 — Бембин Т. Ахдан өгсн андһар // Бембин Т. Аршан болн хорн: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1970. X. 63–65.
- Бембин Т. 1980 — Бембин Т. Цаһан салькн: шүлгүд, тежгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1980. 216 х.
- Босхмэжин Д. 1942 — Босхмэжин Д. Андһарлжанав // Улан Туг. 1942. № 4. X. 9.
- Гурян 1985 — Гурян Т. Клятва // До последнего дыхания / сост. и прим. И. Богатко. Предисл. С. Михалкова. М.: Правда, 1985. С. 80.
- Даван Һ. 1936 — Даван Һ. Андһар // Ленинэ ачһр. 1936. Августин сарин 5. X. 4.
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост. тома, подгот. текстов, исслед., коммент., словарь Н. Ц. Биткеева и Э. Б. Овалова; пер. Н. Ц. Биткеева и др. На калмыцком и русском языках. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 475 с.
- Джангар 1989 — Джангар: Калмыцкий народный эпос / пер. с калм. С. И. Липкина. 5-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 363 с.
- Дорждин Б. 1938 — Дорждин Б. Болх дээнд белдий! // Ленинэ ачһр. 1938. Октябрин 20. X. 4.
- Дорждин Б. 1939 — Дорждин Б. Батар бууһан атһ! // Улан баһчуд. 1939. Мартин 11. X. 1.
- Жаһһр 1990 — Жаһһр. Хальмг баатрлг эпос. Һурвдгч һарцнь. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1990. 287 х.
- Инждин Л. 1941 — Инждин Л. Көгшн партизана үг // Улан баһчуд. 1941. Июлин 27. X. 1.

- Калмыцкие богатырские 2017 — Калмыцкие богатырские сказки / вступит. ст. Б. Б. Манджиевой; подг. текстов, перелож. калм. текстов, пер. Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой; прим., коммент., указ., словарь Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М.: АО «Первая образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2017. 561 с.
- Калмыцкие народные 1961 — Калмыцкие народные сказки. Элиста: Калмгосиздат, 1961. 253 с.
- Кектеев 1958 — *Кектеев Э.* Клятва // Поэты Калмыкии: сб. стихов / сост. Л. Инджиев, предисл. Д. Кугультинова. М.: Сов. писатель, 1958. С. 84–85.
- Клятва Сталину 1940 — Клятва Сталину // Ленинский путь. 1940. Сентябрин 10. X. 1.
- Көглтин Д. 2012 — *Көглтин Д.* Һурвн ботьд шүүһэд барлсн үүдэврмүд. 1-гч боть. Элст: Барин гер «Герл», 2012. 415 х.
- Көктән Э. 1941 — *Көктән Э.* Андһар // Көктән Э. Төрскәннһ төлә, уралан!: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1941. X. 3–8.
- Кугультинов 1988 — *Кугультинов Д. Н.* Собр. соч. В 3-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1988. 558 с.
- Куукан А. 2009 — *Куукан А.* Партизана эк // Хальмгин шүлглән: хураңһу. Хальмг болн орс келәр. Элст: Барин гер «Герл», 2009. X. 107–108.
- Леежнэ Ц. 1941 — *Леежнэ Ц.* Дээсэн дархвдн // Ленин ачнр. 1941. Июнин 30. X. 1.
- Леежнэ Ц. 1990 — *Леежнэ Ц.* Үүнд би төрлэв: шүлгүд, поэм, орчуллһс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1990. 154 х.
- Мифы, легенды 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступит. ст., прим., коммент., указ., словарь, сверка калм. текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М.: Наука; Вост. лит., 2017. 367 с.
- Монголо-ойратский 1923 — Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. статья и прим. Б. Я. Владимирцова. Пг.; М.: Госиздат, 1923. 254 с.
- Мукебенов 1987 — *Мукебенов Б.* Клятва // Стихи поэтов 20–40-х гг. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. С. 18.
- Мукөвүнэ Б. 1962 — *Мукөвүнэ Б.* Авшг // Хальмг поэзин антолог / Барт белдсн Калян С., Мацга И., Санган Л. Элст: Хальмг госиздат, 1962. X. 191.
- Нармин М. 1987 — *Нармин М.* Хойр ботьта суңһгдсн үүдэврмүдин хураңһу. 1-гч боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1987. 326 х.
- Ончхан Ж. 1962 — *Ончхан Ж.* Андһар // Хальмг поэзин антолог. Элст: Хальмг госиздат, 1962. X. 119.
- Письмо воинов-калмыков 1942 — Письмо воинов-калмыков великому вождю и полководцу советского народа товарищу Сталину // Ленинский путь. 1942. 3 июля. С. 1.
- Письмо воинов 2005 — Письмо воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии Коммунистической партии и Советскому правительству // Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: док-ты и мат-лы. Сост. М. Л. Кичиков, Л. П. Коженбаева, А. И. Наберухин и др. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. С. 264–269.
- Письмо-клятва воинов 2015 — Письмо-клятва воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии // Солдаты Победы. Том II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 342–346.
- Седклин күр 1960 — Седклин күр / Ясад, барт белдсн Букшан Б. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 96 х.
- Семьдесят две небылицы 1990 — Семьдесят две небылицы. Сказка. На калмыцком и русском языках. Переиздание. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 95 с.
- Сокровенное сказание 1990 — Сокровенное сказание монголов: анонимная хроника 1240 года / сост., вступ. ст., примеч. П. А. Дарваева, пер. П. А. Дарваева и Г. Г. Чимитова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 280 с.
- Сталинд өггч андһар 1940 — Сталинд өггч андһар // Улан хальмг. 1940. Сентябрин 15. X. 1.
- Тачин А. 1982 — *Тачин А.* Мини тулг: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1982. 124 х.
- Хоньна М. 1939а — *Хоньна М.* Орн-нутган харс! // Улан баһчуд. 1939. Ноябрьрин 27. X. 2.
- Хоньна М. 1939б — *Хоньна М.* Чи тедниг дурá! // Улан баһчуд. 1939. Декабрин 1. X. 4.
- Хоньна Л. 1938 — *Хоньна Л.* Харсач болхв // Улан хальмг. 1938. Ноябрьрин 7. X. 3.
- Хоньна Л. 1941 — *Хоньна Л.* Дуулий — дилий // Улан баһчуд. 1941. Апрельин 20. X. 1.
- Шалвра Ё. 1938 — *Шалвра Ё.* Андһар // Улан хальмг. 1938. Октябрьин 29. X. 3.
- Шугран В. 2008 — *Шугран В.* Андһар // Шугран В. Мини дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 2008. X. 156–159.
- Эрднин М. 1939 — *Эрднин М.* Мана чидл // Улан хальмг. 1939. Ноябрьрин сарин 7. X. 3.

- Эрднин М. 1962 — *Эрднин М.* Улан цэргчин андһар // Хальмг поэзин антолог / Барт бэлдсн Калян С., Магга И., Санган Л. Элиста: Хальмг госиздат, 1962. X. 264.
- Эрдниева 1987 — *Эрдниева М.* Присяга красноармейца // Клятва: стихи поэтов 20–40-х гг. // Поэтическая Калмыкия. На калм. и рус. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. С. 16–17.

Литература

- Балданмаксарова 2013 — *Балданмаксарова Е. Е.* Многообразие поэтических жанров «Сокровенного сказания монголов» (1240 г.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 1 (9). С. 89–105.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Джамбинова 1977 — *Джамбинова Е.* Роль национальных традиций в становлении калмыцкой советской поэзии (20–30-х годов) // Национальные традиции и генезис социалистического реализма в калмыцкой литературе. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 65–81.
- Зайцева, Петрова 2018 — *Зайцева Т. И., Петрова Е. Н.* Эхо войны: удмуртская поэзия в 1941–1945 годы // Наследие. 2018. № 2(13). С. 106–116.
- Кектеев 1940 — *Кектеев Э.* Воинственный эпос // Улан баһчуд. 1940. Майин 18. X. 2.
- Кичиков 1976 — *Кичиков А. Ш.* Богатыри «Джангара» (о происхождении образов) // Вестник института КНИИЯЛИ. Вып. 14. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 28–61.
- Кичиков 1983 — *Кичиков А. Ш.* Жанровое своеобразие повествований о Мазан-баатаре в аспекте калмыцко-башкирских межэтнических связей // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала: Сб. ст. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 120–128.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Мусова 1977 — *Мусова Н. Н.* Патриотические мотивы в калмыцкой поэзии военных лет // Национальные традиции и генезис социалистического реализма в калмыцкой литературе. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 82–98.
- Очиров, Заярный 2018 — *Очиров У. Б., Заярный С. А.* Клятве остались верны. Т. 1. Элиста: Изд-во КалмНЦ РАН, 2018. 519 с.
- Пюрбеев 2015 — *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык (= Жаңһр дуулвр: сойл болн келн) / на рус. и калм. яз. 2-е изд., перераб. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 280 с.
- Рабенко 2010 — *Рабенко Т. Г.* Клятва как фидеистический речевой жанр // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). С. 122–126.
- Сарангов 2015 — *Сарангов В. Т.* Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 108 с.
- Селеева 2013 — *Селеева Ц. Б.* Указатель тем калмыцкой и синьцзянской версий эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.
- Сенглеев 2019 — *Сенглеев Б. Ю.* Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 232 с.
- Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2006. 255 с.
- Ханинова 2019 — *Ханинова Р. М.* Оборонная тема в довоенной лирике братьев Хониновых // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2019. № 2. С. 64–69.
- Хараева 2012 — *Хараева А. Т.* К характеристике слова *андһар* и жанра *андһаарийин бичиг* «присяжное письмо» в калмыцком литературном языке XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 41–45.
- Эльбикова 2019 — *Эльбикова Б. В.* Изображение физической расправы героя с противником в калмыцких сказках «Седклин арвн хойр бөлг» («Запомнившиеся двенадцать глав») М. Буринова // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 3. С. 352–369.
- Юсупова 2010 — *Юсупова Н. М.* Идеологические мотивы и архетипы в поэзии периода Великой Отечественной войны // Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 56–61.

Sources

- [Heroic Epic of Oirat Mongols]. B. Ya. Vladimirtsov (transl., foreword, comment.). Petrograd; Moscow: Gosizdat, 1923. 254 p. (In Russ.)
- [*Jangar*: Heroic Epic of the Kalmyks]. 3rd ed. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 287 p. (In Kalm.)
- [*Jangar*: Heroic Epic of the Kalmyks]. N. Ts. Bitkeev, E. B. Ovalov (comp., prep., etc.); N. Ts. Bitkeev et al. (transl.). Moscow: Nauka, GRVL, 1990. 475 p. (In Kalm. and Russ.)
- [*Jangar*: Heroic Epic of the Kalmyks]. S. I. Lipkin (transl.). 5th ed. Elista: Kalmyk Book Publ.,

1989. 363 p. (In Russ.)
- [Kalmyk Folk Tales]. Elista: Kalmyk State Publ., 1961. 253 p. (In Russ.)
- [Kalmyk Heroic Tales]. B. B. Mandzhieva (foreword); B. B. Mandzhieva, T. A. Mikhaleva, Ts. B. Seleeva (prep., translit., transl.); B. B. Mandzhieva, Ts. B. Seleeva (comment., annot., glossary); A. A. Burykin, V. L. Klyaus, V. V. Kukanova, G. Ts. Pyurbееv (eds.). Moscow: Pervaya Obraztsovaya Tipografiya — Chekhovskiy Pechatnyy Dvor, 2017. 561 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Kalmyk Myths, Legends, and Stories]. T. G. Basangova, T. A. Mikhaleva (prep., transl., etc.). A. A. Burykin, E. N. Kuzmina, V. V. Kukanova, G. Ts. Pyurbееv (eds.). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Talking Heart to Heart]. Bukshaev B. (ed., comp.). Elista: Kalmyk Book Publ., 1960. 96 p. (In Kalm.)
- [The Guardian of Folk Wisdom: (Narratives Recorded from) Tale-teller Shanya Boktaev]. B. B. Mandzhieva (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. 172 p. (In Kalm.)
- [The Secret History of the Mongols: Anonymous Chronicle of 1240]. P. A. Darvaev (comp., foreword, comment.); P. A. Darvaev, G. G. Chimitov (transl.). Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 280 p. (In Russ.)
- [The Seventy Two Lies: Kalmyk Folk Tale]. Reprint. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 95 p. (In Kalm. and Russ.)
- Akhmatova A. A. [Poems]. V. M. Zhirmunsky (comp., prep., etc.). Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1977. 560 p. (In Russ.)
- Baidyn S. The Oath. In: Baidyn S. [In Beats of the Heart: Collected Poems]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1960. Pp. 18–19. (In Kalm.)
- Bembin T. [The White Wind: Poems, Fables, Ballads]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 216 p. (In Kalm.)
- Bembin T. Oath to the Elder Brother. In: Bembin T. [Honey and Poison: Collected Poems]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. Pp. 63–65. (In Kalm.)
- Boskhmjn D. 'I Take the Oath'. *Ulan Tug*. 1942. No. 4. P. 9. (In Kalm.)
- Davan Y. The Oath. *Leninā achnr*. 1936, August 5. P. 4. (In Kalm.)
- Dorjin B. 'Hold the Rifle Tightly!' *Ulan baychud*. 1939, March 11. P. 1. (In Russ.)
- Dorjin B. 'May We Be Ready for the Coming War!' *Leninā achnr*. 1938, October 20. P. 4. (In Kalm.)
- Erdniev M. Red Army Oath of Enlistment. In: [The Oath: Works by (Kalmyk) Poets, 1920s–1940s]. Ser. 'Poetic Kalmykia'. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. Pp. 16–17. (In Kalm. and Russ.)
- Erdnin M. Our Power. *Ulan khal'mg*. 1939, November 7. P. 3. (In Kalm.)
- Erdnin M. Red Army Oath of Enlistment. In: [Kalmyk Poetry: Anthology]. Kalyan S., Matsga I., Sangan L. (comps.). Elista: Kalmyk State Publ., 1962. P. 264. (In Russ.)
- Guryan T. The Oath. In: [Till the Last Breath]. I. Bogatko (comp., comment.). S. Mikhalkov (foreword). Moscow: Pravda, 1985. P. 80. (In Russ.)
- Injin L. 'I Pledge the Word of an Old Partisan'. *Ulan baychud*. 1941, July 27. P. 1. (In Kalm.)
- Joint Letter Signed by Soldiers of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division to the Communist Party and Soviet Government. In: [Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and Materials]. M. L. Kichikov, L. P. Kozhenbaeva, A. I. Naberukhin et al. (comps.). 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmyk Book Publ., 2005. Pp. 264–269. (In Russ.)
- Joint Letter-Oath Taken by Soldiers of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. In: [Soldiers of Victory]. Vol. II: 110th Separate Kalmyk Cavalry Division, List of Names. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2015. Pp. 342–346. (In Russ.)
- Kekteev E. The Oath. In: [Poets of Kalmykia: Collected Poems]. L. Indzhiev (comp.), D. Kugultinov (foreword). Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1958. Pp. 84–85. (In Russ.)
- Khonina L. 'May I Become the Defender'. *Ulan khal'mg*. 1938, November 7. P. 3. (In Kalm.)
- Khonina L. 'We'll Win — and Sing'. *Ulan baychud*. 1941, April 20. P. 1. (In Kalm.)
- Khonina M. 'Defend the Country!' *Ulan baychud*. 1939, November 27. P. 2. (In Kalm.)
- Khonina M. 'Take Your Lead from Them!' *Ulan baychud*. 1939, December 1. P. 4. (In Kalm.)
- Kugultinov D. N. [Complete Works]. In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1988. 558 p. (In Russ. and Kalm.)
- Kuukan A. The Partisan's Mother. [Poetry of Kalmykia: Anthology]. Elista: Gerel, 2009. Pp. 107–108. (In Kalm. and Russ.)
- Kögltn D. [Selected Works]. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2012. 415 p. (In Russ. and Kalm.)
- Köktän E. The Oath. In: Köktän E. ['In Action! For Motherland!': Collected Poems]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1941. Pp. 3–8. (In Russ.)
- Leejnā Ts. ['Here Was I Born': Poems, Ballads, Translations]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 154 p. (In Kalm.)
- Leejnā Ts. 'May We Destroy War'. *Leninā achnr*. 1941, June 30. P. 1. (In Kalm.)

- Letter of Kalmyk Soldiers to the Great Leader and Commander of the Soviets — J. Stalin. *Leninskiy put'*. 1942, July 3. P. 1. (In Russ.)
- Mukebenov B. The Oath. In: [Poets of the 1920s–1940s: Collected Works]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. P. 18. (In Russ.)
- Mukövä B. The Oath. In: [Kalmyk Poetry: Anthology]. Kalyan S., Matsga I., Sangar L. (comps.). Elista: Kalmyk State Publ., 1962. P. 191. (In Kalm.)
- Narmin M. [Selected Works]. In 2 vols. Vol. 1. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. 326 p. (In Kalm.)
- Oath to Stalin. *Leninskiy put'*. 1940, September 10. P. 1. (In Russ.)
- Oath to Stalin. *Ulan khal'mg.* 1940, September 15. P. 1. (In Kalm.)
- Onchkhan J. The Oath. In: [Kalmyk Poetry: Anthology]. Elista: Kalmyk State Publ., 1962. P. 119. (In Kalm.)
- Shalvra Y. The Oath. *Ulan khal'mg.* 1938, October 29. P. 3. (In Kalm.)
- Shugran V. The Oath. In: Shugran V. [My Book]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2008. Pp. 156–159. (In Kalm.)
- Tachin A. [My Support: Poems and Ballads]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 124 p. (In Kalm.)
- References**
- [Kalmyk-Russian Dictionary]. 26 000 entries. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Baldanmaksarova E. E. The Secret History of the Mongols (1240): diversity of poetic genres. *The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2013. No. 1 (9). Pp. 89–105. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. [Kalmyk Ritual Poetry: Genre System, Poetics]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Dzhambinova E. The shaping Soviet Kalmyk poetry (1920s–1930s): role of ethnic traditions. In: [Kalmyk Literature: National Traditions and Genesis of Socialist Realism]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 65–81. (In Russ.)
- Elbikova B. V. Physical destruction of the enemy in Kalmyk fairy tales 'Sedklin Arvn Bolg' (Memorized Twelve Chapters) by M. Burinov. *Studia Litterarum*. 2019. Vol. 4. No. 3. Pp. 352–369. (In Russ.)
- Kekteev E. Military epic. *Ulan baychud*. 1940, May 18. P. 2. (In Russ.)
- Khabunova E. E. [Heroic Epic of *Jangar*: Poetic Constants of a Hero's Life Cycle (a Comparative Study of Ethnic Versions)]. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center, 2006. 255 p. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Pre-war lyrics of the Khoninov brothers: theme of national defense. *Vestnik IKIAT*. 2019. No. 2. Pp. 64–69. (In Russ.)
- Kharaeva A. T. 18th-century Kalmyk literary language: revisiting the word *and'yar* and genre of *and'yaariyin bichig* 'letters of oaths'. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. No. 1. Pp. 41–45. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Heroes of the *Jangar* epic: origins of images revisited. In: [Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: Newsletter]. Vol. 14. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 28–61. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Tales of Mazan Baatar: genre diversity in the context of Kalmyk-Bashkir interethnic contacts. In: [Peoples of the Volga and Urals: Interethnic Communities and Folklore Ties]. Coll. papers. Kazan: Institute of Language, Literature and History (Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences), 1983. Pp. 120–128. (In Russ.)
- Musova N. N. Kalmyk poetry during the war period: patriotic motifs. In: [Kalmyk Literature: National Traditions and Genesis of Socialist Realism]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 82–98. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Zayarny S. A. [Those Who Remained Loyal to the Oath]. Vol. 1. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2018. 519 p. (In Russ.)
- Pyurbayev G. Ts. [Epic of *Jangar*: Culture and Language]. 2nd ed., rev. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Kalm. and Russ.)
- Rabenko T. G. Oath as a fideistic speech genre. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010. № 13 (194). Pp. 122–126. (In Russ.)
- Sarangov V. T. [Kalmyk Heroic Tale: Poetics and Style]. Elista: Kalmyk State University, 2015. 108 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. [Epic of *Jangar*: Thematic Index of the Xinjiang Version]. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2013. 276 p. (In Russ.)
- Sengileev B. Yu. [Kalmyk Historical Tales and Legends of Mazan Baatar: Epic Biography]. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2019. 232 p. (In Russ.)
- Yusupova N. M. Poetry of the war period (1941–1945): ideological motifs and archetypes. *Nauchnyi Tatarstan*. 2010. No. 2. Pp. 56–61. (In Russ.)
- Zaytseva T. I., Petrova E. N. An echo of war: Udmurt poetry in 1941–1945. *Nasledie*. 2018. No. 2(13). Pp. 106–116. (In Russ.)